

НАПРАСНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Лекція г. Мережковского объ «упадкѣ литературы», «о новыхъ теченіяхъ» и рядомъ съ ними статья г. П. Е. Астафьева въ «Русск. Вѣстникѣ» — «Перерожденіе слова», заключають въ себѣ почти одно и то же содержаніе, съ тою разницею, что статья г. Астафьева несравненно умнѣе, основательнѣе и доказательнѣе.

О лекціяхъ г. Мережковского нельзя даже говорить серьезно. Это безсвязный, младенческій лепетъ, безцѣльное самоупоеніе декадента и символиста, утратившаго всякую способность различать Гончарова, Тургенева, Л. Толстого и Достоевскаго отъ гг. Чехова, Гаршина и т. п. Для Мережковского нѣтъ въ нихъ творческаго различія, несоизмѣримости талантовъ и весь вопросъ въ томъ, чтобы подвести ихъ подъ одинъ ранжиръ, уравнивая всѣхъ пустыми и модными кличками: символисты, мистики, импрессионисты и т. п., какъ будто писатели по своей сущности до того необъяснимы, что нужна универсальная глупость, все нивелирующая бланкетомъ, чтобы и въ великанствѣ творчества снисходительно отнестись: ничего, молъ, и эти не хуже, — тоже въ декаденты годятся.

Бываютъ такіе крѣпкоболбые читатели и даже почитатели, которые съ необыкновеннымъ апломбомъ снисходять — ко всему снисходять, и одного только они не могутъ выносить — величія Зола. Передъ нимъ — шапки долой и на колѣни. Если же прямо передъ нимъ, то передъ его влияніемъ на школу декадентовъ, къ которымъ и самъ Зола относится прямо презрительно.

Рядомъ съ г. Мережковскимъ, по бездонной глубинѣ бессмыслия, можно поставить только двухъ критиковъ: г. Скабичевскаго въ «Исторіи новой литературы» и г. Венгеровъ въ оцѣнкѣ Писемскаго.

Вотъ тотъ сортъ литературы, къ которому, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести лекціи и мнѣнія г. Мережковского, да и по величинѣ личнаго таланта онъ подойдетъ подъ ихъ ранжиръ.

Говорить объ упадкѣ литературы — тема крайне условная и, мнѣ кажется, неправильно понимаемая, во всякомъ случаѣ ведущая къ путаницѣ и недоразумѣніямъ. Если принимать за упадокъ литературы отсутствіе въ ней большихъ талантовъ, то пришлось бы черезъ каждое десятилѣтіе говорить объ упадкѣ и въ то же время, съ истинно-кружковнымъ раболѣпіемъ передъ «своими», выставявъ колоссальность гг. Надсоновъ, Гаршиныхъ и т. д.

Что же касается декадентства, симво-

лизма и прочихъ диковинъ, то у насъ эти болыныя химеры даже невозможны и представляютъ собою одно искусственное подражаніе самаго дурного тона, съ печальной похвалой, что такъ и въ Парижѣ.

Ни одинъ авторъ, кромя вычурныхъ бездарностей, у насъ и задаваться не станетъ такими претенциозными пустяками. Какъ надо писать, у насъ это всѣ понимаютъ, имѣя передъ собою, отъ Пушкина и Гоголя, цѣлую вереницу блестящихъ, вполне самостоятельныхъ талантовъ. Это такая огромная и правдивая школа, передъ которой всякія наносныя влїянія моды разлетаются безслѣдно, не оставляя ни отраженія, ни влїянія на литературу.

Авторы, велики они или малы, неизбѣжно подчиняются тону и духу, даже порядку мыслей своего времени. Даже такой громадный талантъ, какъ Л. Толстой, въ величайшемъ своемъ промазеденіи — «Война и миръ», болѣе близокъ къ 1855 году, чѣмъ къ 1812.

Влїяніе эпохи неотразимо. Теоретически, вѣроятно, признаеть это и г. Мережковский. Задачи авторовъ болѣе или менѣе связаны и зависимы отъ ихъ времени и общества, и въ какую бы глубь вѣковъ они ни забирались, они, несомнѣнно, будутъ отражать свое время, свое общество. Это непреодолимое условіе творчества дѣлаеть авторовъ правдивыми выразителями жизни, даже въ задачахъ, противорѣчащихъ ихъ намѣреніямъ.

Въ чемъ же собственно замѣчается упадокъ литературы, о которомъ такъ много и говорили, и писали? Что въ романахъ преобладаетъ психопатія, пополамъ съ кулачествомъ; что чистый героизмъ эстетически смѣнился сентиментальной чувственностью, извѣстество формъ и отношеній — грубостью и фальшью, что герои вообще плохи, низменны, необразованны, мелки, своекорыстны, что въ рѣчахъ ихъ нѣтъ экзальтированной вѣры въ будущее, что любовь современная, главная сущность нашего романа, точно также развращена влїяніями денежнаго культа, какъ всякая творческая идея, какъ всякое беззавѣтное вѣрованіе.

Эпоха нашихъ учредительствъ (шестидесятыя годы), съ которой собственно и начинается господство денежнаго культа, до сихъ поръ никѣмъ не варисована во всю ширь предпринимательскаго разгула. Я знаю не одинъ романъ, которые лежать въ ожиданіи времени и, какъ знать, можетъ быть, эти романы, никому пока не извѣстные, освѣтятъ эпоху упадка отнюдь не измелчавшими талантами.

По тому, что вышшіе авторы печатають, нельзя заключать о томъ, что они видяють, сознають и создаютъ.

Между тѣмъ, характеристика упадка во всемъ, что мнѣ приходилось читать и слы-

шать, основана на ужасающемъ количествѣ макулатурнаго хлама, написаннаго изъ-за хлѣба, очень многими даровитыми авторами, литературными ремесленниками.

Личныя положенія никому изъ нихъ не позволили подняться во весь ростъ. Всѣхъ болѣе или менѣе пригибала и пригибаетъ нужда и денежныя соблазны макулатурщиковъ, а при такихъ условіяхъ мало одного таланта, даже большого, — нуженъ еще характеръ. Да и этого мало: и большой характеръ, и большой талантъ не станутъ въ стѣну лбами стучать — ни стѣны ни выбьютъ, ни лбовъ не разобьютъ.

И это торжествующее приниженіе нынѣшнихъ дарованій необходимо имѣть въ виду — даже какъ главную причину засидія безграмотныхъ макулатурщиковъ и ихъ расчлѣвшащаго влїянія на литературу и на общество любителей премій.

Когда говорятъ объ упадкѣ литературы, то автора выдѣляютъ изъ общества, судяють его, какъ самостоятельную величину, не соображаясь ни съ общими, ни съ личными его условіями, а это едвали справедливо.

Наконецъ, упадку литературы нашихъ дней необходимо же противопоставить эпоху сильныхъ, блестящихъ талантовъ, писавшихъ при совершенно иномъ, болѣе образованномъ обществѣ, при иныхъ нравахъ, понятіяхъ и стремленіяхъ; когда культурныя задачи были несравненно проще и яснѣе, желанія и надежды — последовательнѣе, какъ логическій результатъ социальнаго переустройства.

Все это закончилось глубокимъ и пасивнымъ разочарованіемъ.

Все это мы пережили, перестрадали, передумали, и естественно насъ тянетъ въ ту эпоху, мы видимъ даже полукомическую, полубезумную борьбу за ея возвращеніе; знаемъ и видимъ, какъ люди начали жить заднимъ числомъ, старческимъ воспоминаніемъ, отворачая и пренебрегая всѣмъ, что даетъ текущая жизнь.

Кромѣ всего, въ наши дни, выступаютъ уже авторы, сравнительно, очень юные, которые не могутъ помнить и не успѣли узнать исторически-литературныхъ традицій.

Между ними есть таланты крупныя, прекрасныя, чарующія, но имъ ставятъ въ вину безсвязность ихъ историческаго существованія, не связавнаго съ прошлымъ, ихъ идейную дикость и невоспитанность, и нехотятъ призывать за ними уже рѣло никакихъ литературныхъ достоинствъ, тогда какъ литературныя ихъ достоинства — ужъ не г. Мережковскому яъ чета.

Вотъ гдѣ кроется фокусъ гурюющихъ по улицѣ приговоровъ: кто припадаетъ на тебя смѣлостью сужденія, тотъ и правъ, тотъ и авторитетъ, и если въ лобъ судьи пѣтъ ни одной здравой мысли — тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ ея въ толдѣ.

Житель
А. М. В. А.
(В. П. ...)